

Суровые тридцатые годы

Мы продолжаем рассказ об истории нашей газеты (см. номера за 25 июня, 9 и 23 июля, 6 августа, 1, 8 и 15 октября).

К своему двадцать пятому юбилею «Северный рабочий» готовился основательно (напомним, что отсчёт истории вёлся тогда от 1908 года). На бюро городского комитета ВКП(б) предлагалось отметить его улучшением всей работы ярославской печати, поднять уровень рабселькорского движения в соответствии с задачами областной парторганизации. А для этого провести общегородское собрание работников, организовать трёхмесячные курсы работников многотиражных газет и десятидневный семинар рабселькоров, на предприятиях провести читательские конференции «Северного рабочего», а потом устроить в театре торжественный вечер. Более того, на областной конференции программа подготовки расширилась: намечена трудовая эстафета выполнения и перевыполнения хозяйственных задач в честь 25-летия газеты, разработан график выездных редакций «СР».

В канун юбилейных событий обком и горком ВКП(б) дали строгую оценку работе редакционной партячейки. Газете рекомендовали усилить внимание к вопросам материально-бытового положения рабочих, а пока, если эти вопросы и ставятся, то без должной политической заострённости, слабо ведётся борьба с зажимщиками критики, контроль за действенностью критических материалов. В то время в «Северный рабочий» и приложение «Ярославская деревня» писали более четырёхсот рабселькоров. Поставлена задача: ни одно письмо рабкора не должно остаться без ответа. А на страницах газеты решено открыть чёрную доску позора отступающих и красные списки передовиков.

В последующие годы газету воспитывали всё более сурово. На бюро обкома и горкома выносилось до 40 – 45 вопросов. И редкое заседание проходило без упоминания «СР». Редактора Коваленко обвиняли в «засорённости аппарата редакции чуждыми элементами»: работает Копьев – бывший штабс-капитан, меньшевик, Двиганцева – дворянка-помещица, Тихвинская – дочь присяжного поверенного, Хабаров – сын попа. Итог обсуждения: редактора Коваленко за слабую воспитательную работу освободить. Через три месяца о новом редакторе Бродском: «Не сделал выводов из указаний».

По всей видимости, для травли газеты поводом становились передовые статьи и корреспонденции «Правды». Кажется, что именно «Северный» она держала под особым прицелом. В 1934 – 1937 годах название ярославской газеты чуть не еженедельно упоминалось при раскрытии очередных «ошибок» и «недоработок», регулярно печатались постановления ЦК ВКП(б), касающиеся области. И ни одного слова поддержки, одобрения. Не случайно так поспешно менялся стиль жизни редакции. На партийных собраниях, а почти все они проходили в закрытом режиме, разоблачаются лица, вызывающие политического доверия», всё чаще приводятся

факты слабой бдительности, называются имена «троцкистских отщепенцев». Плюс целые страницы занимают отчёты с судебных процессов троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Меняются тексты протоколов собраний: раньше было короткое изложение высказанной мысли, сейчас выступающие просто соревнуются в количестве возникших подозрений. Вот пример. Один из самых образованных людей редакции Лосев «почему-то сдаёт в секретариат малограмотные корреспонденции». Горбунов «носит за пазухой контрреволюционные вирши», а для газеты пишет советские стихи. На занятиях литгруппы студент Верховский восхвалял Пастернака, в столе Михон обнаружили книгу Радека. Журналисты охотно признавали свои просчёты: «Ошибку я признал, но не сразу её понял».

Редакторы менялись молниеносно. Но «засорённый аппарат», похоже, ещё не понимал надвигающейся трагедии, рядом с потомками ненадёжных элементов, прибитых к редакции послереволюционной смуты, появились очень видные люди: будущие писатели Лосев, Смирнов, Полторацкий, поэты Горбунов и Лисянский, драматург Анфиногенов... Теперь даже обслуживающий персонал не писал как в 20-х годах в анкетах «высшее-нижнее образование». Пришли другие, но ещё такие наивные.

Вот слушается вопрос, почему на второй день работы городского партактива некоторые из журналистов не явились на заседание, хотя были обязаны. Провинившиеся объясняют: готовился к политзанятиям, болел ребёнок, жена потеряла ключ – надо было срочно передать ей свой, ушёл в театр – писать рецензию. На заседании парткома вполне серьёзно обсуждается журналист Духонин, член партии с 1926 года, который, будучи в Большесельском районе, ночью упал в колодезь. Партбилет размок.

Сногсшибательны понятия демократии. С весёлым недоумением газета описывает партийное собрание на Рыбинском заводе имени Павлова, продолжавшееся... целый месяц. Обстановка призывает к усилению бдительности в коллективе. На протяжении нескольких собраний обсуждалась ситуация с журналисткой Резниковой, заметной в газете по острым критическим материалам. Было «установлено», что она «имела интимную связь с террористом Лейкиным». Девушка подтвердила это, передала свою переписку парткому и заверила, что они говорили только о личных делах, не касаясь политики. Но коллеги высказывают подозрение, что разговор был более острым, а переданы письма не полностью. Кончилось дело исключением Резниковой из членов партии и увольнением с работы.

В протоколах собраний часто упоминался редактор Коган: «Был сух и грубоват, не создавал условий для здоровой работы, не чуток и высказывал необъективные обвинения». Затем всё громче говорят об ошибках Когана. Сообщают, что его жена была исключена из партии за приверженность к троцкистской оппозиции. Коган оправдывается за свои «ошибки», допущенные в 1921 году за «непра-

вильное понимание демократического централизма» и одновременно призывает «к жестокой расправе над злейшими врагами рабочего класса». Коллеги вспоминают, что Коган принимал участие в преподнесении подарка – книги произведений А. С. Пушкина первому секретарю горкома, впоследствии репрессированному. Покра ещё нет обвинения в троцкизме и двурушничестве, но налицо «притупление бдительности».

26 августа 1936 года в «Правде» был напечатан обзор «Плоды безответственности», где жестоко критиковался редактор Коган, а 31 августа по решению бюро ЦК ВКП(б) по Ярославской области он был снят с поста редактора как «не справившийся с работой и не изживший до конца своё троцкистское прошлое». Через несколько дней он бросился под поезд.

А газета отражала настроения и факты действительной жизни. Кажется, что выспренностью слов и цифр журналисты пытались заглушить собственные страхи. «Наступает радостный, счастливый 1937 год», – торжественно писалось в передовицах. На эти дни выпало много исторически важных событий: Конституция, выборы в Верховный Совет, подвиги полярников и лётчиков Чкалова, Байдукова, Белякова...

Что ни номер – сообщение о трудовых рекордах. Цифры внушительные. Формовщик шинного завода стахановец Сизов выполнил норму на 150 процентов, котельщик Волков – на 495. Промышленность Ярославля дала в 1936 году на 37,2 процента продукции больше, чем в предыдущем. Даниловский машинист Лукьянов обязался «увеличить межпромысловый период работы паровоза» с 4,5 тысячи км до 10 тысяч. На первых полосах появилась «Доска почёта» с крупными фотографиями передовиков: рабочих, бригадиров, механизаторов, льноводов...

Под рубрикой «В руководство пришли новые люди» регу-

лярно печатаются материалы о вновь избранных секретарях партячеек, райкомов и горкомов партии, об инженерах и председателях колхозов.

Конечно, наигранный пафос и слишком возвышенный язык тех публикаций сегодня неприятно режут слух. Но делали эти материалы журналисты, уставшие от постоянного повторения слов «двурушники», «троцкистско-зиновьевские фашисты», «реставраторы капитализма». Кто возьмётся их сегодня за это осуждать?

Целыми полосами выходят специальные выпуски. Страница «Волга-матушка река» рассказывает о перспективах главной водной артерии страны в связи с вводом в строй Московско-Балтийского канала. «Будущее моего края» – коллективный рассказ об образованной по постановлению ВЦИК Ярославской области – её природных богатствах, исторических центрах, населяющих её людях, о будущем, похожем на сказку. Страница о недавнем посещении «Рассказы старых людей»: сравнения, что было, что стало с приходом колхозного строя. И даже «подвал» с отрывком поэмы «Витязь в тигровой шкуре» – по случаю юбилея Шота Руставели – вплетался в волну трудового энтузиазма.

До начала Великой Отечественной войны оставалось три с половиной года. И тогда уйдут на фронт те, чья покорность обстановке, неспособность ей противостоять может вызвать у нас, благополучных, незнакомых с подобными условиями, досаду, а порой и жалость. Уйдут на фронт журналисты-северяне, и многие погибнут – теперь их имена на мемориальной доске, висящей в редакции. Других сбережёт судьба, даст путёвку в большую литературу и искусство, в центральные газеты. А те, кто в военные годы заменил ушедших на фронт товарищей, навсегда сохранят чувство: выстояли, не потеряли себя.

Инна КОПЫЛОВА.

Читатель о газете

Владимир САВЕЛЬЕВ,
депутат областной Думы,
председатель областного
объединения организаций
профсоюзов:

– Конечно, я люблю газету «Северный край». Ведь я её не только читаю уже много лет, я в ней даже и печатался в молодости – был внештатным корреспондентом, как тогда говорили «рабкором». Больше скажу: я свою свадьбу сыграл как раз на эти деньги, на гонорары, полученные от «Северного рабочего»! Они тогда были немаленькие. А материалы с завода, статьи о человеке труда всегда шли в газете на ура.

Сейчас всё перевернулось. Гонорары у журналистов стали маленькими. А если с завода статью принесут, так ещё придётся заплатить газете за то, чтобы напечатали! Поэтому и статьи о людях труда стали редкостью. Хорошо хоть то, что «Северный» пока не докатился до того, чтобы писать о всяких «звездах» со всяких «фабрик». Всё-таки газета сохраня-

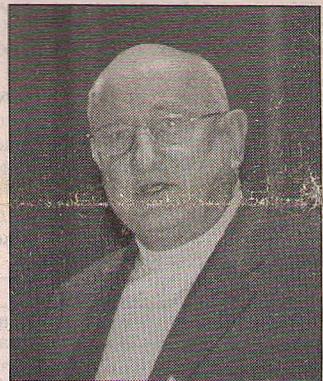

фото Вячеслава ЮРАСОВА.

ет достоинство, остаётся серьёзной, солидной, вдумчивой. В ней всегда найдётся информация для размышлений, для понимания происходящего в обществе. Не так уж много сейчас осталось таких газет, которые продолжают выполнять эту важную общественно-политическую функцию. Поэтому хочу поздравить журналистский коллектив с приближающимся 110-летним юбилеем, пожелать ему стойкости, верности традициям и избранному стилю.